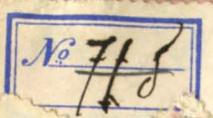

Азферть

№ 718

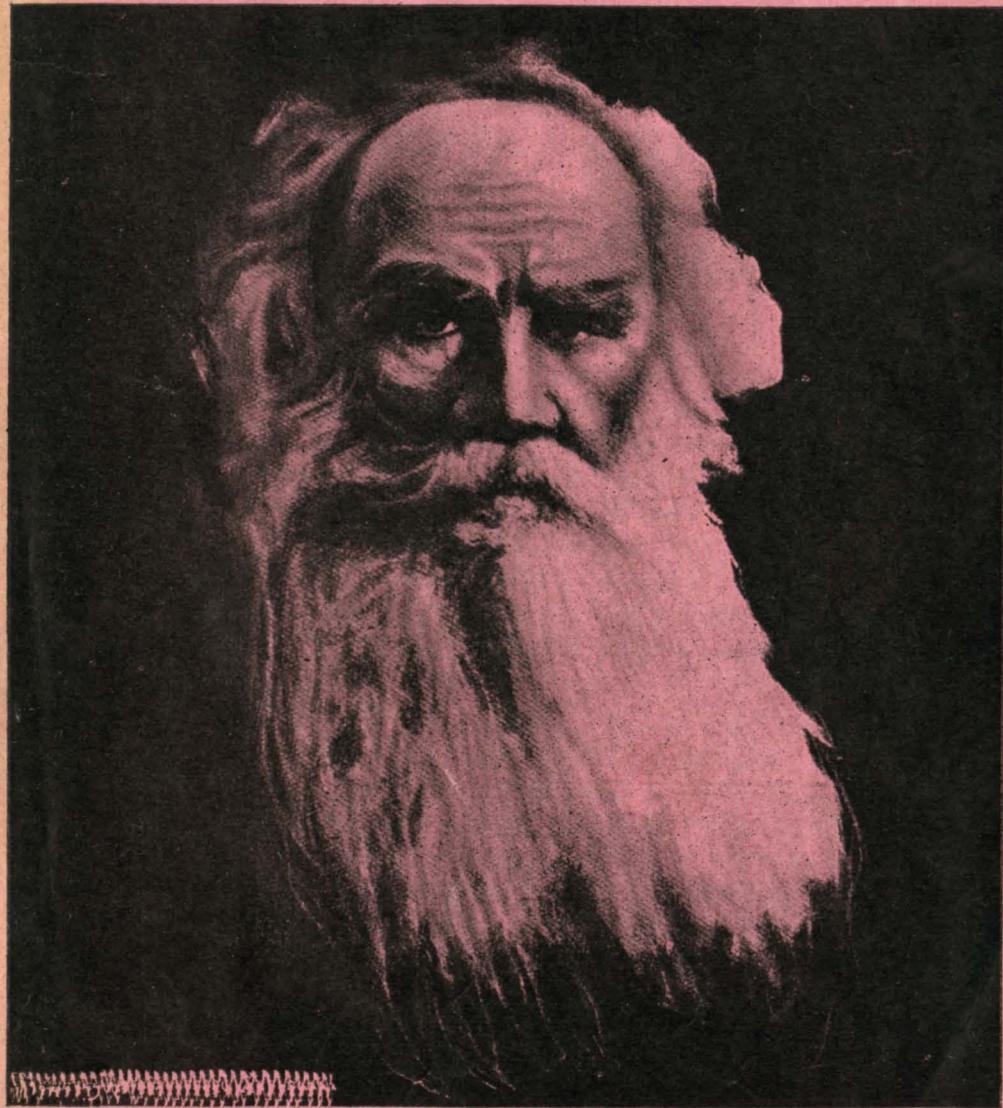
Безплатное приложение к № 526 газ. „Утро“.

2426
I

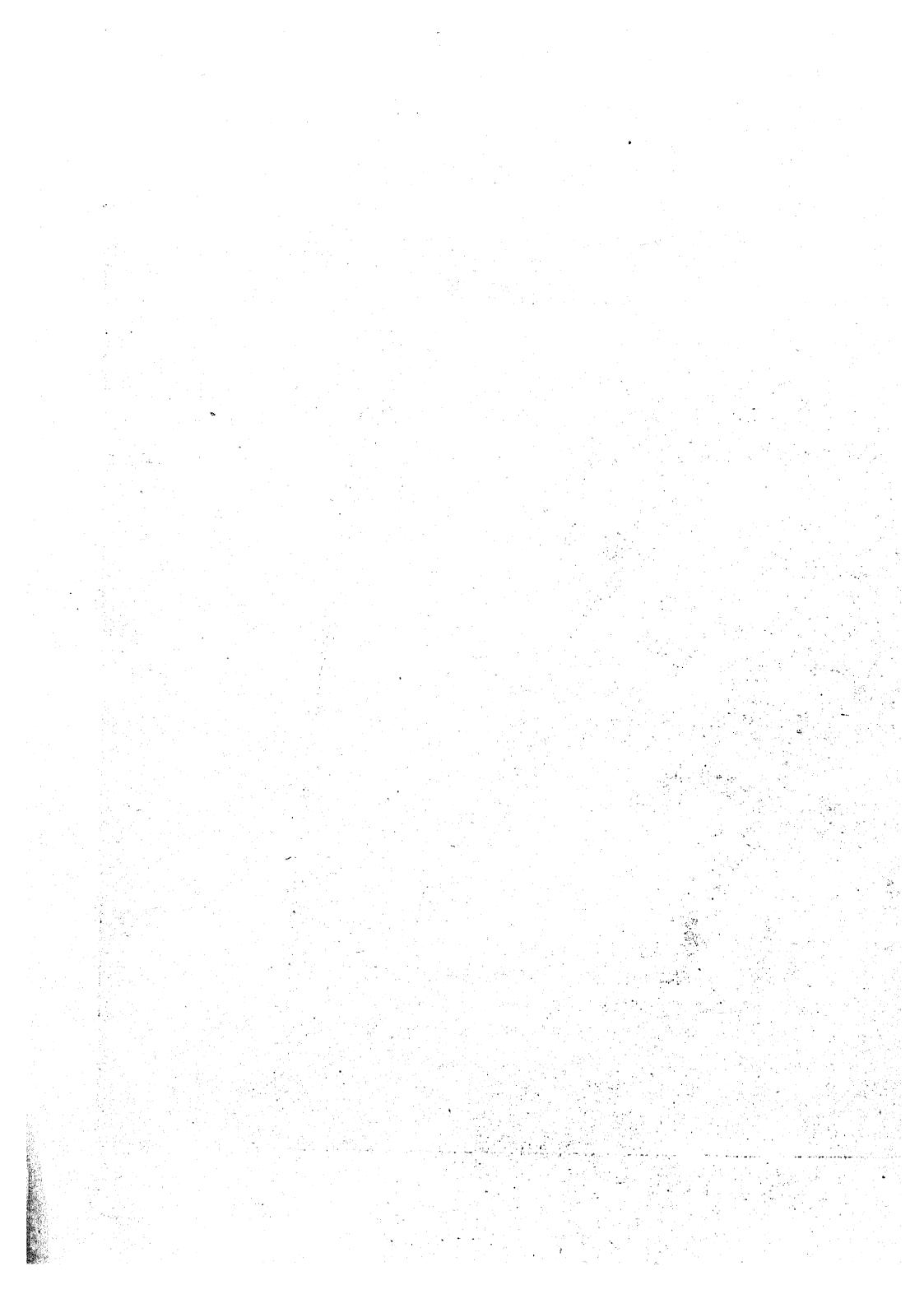
ДѢЛІТЕЛЬ ЖИЗНИ.

284

(По поводу 80-ти лѣтніаго юбилея Л. Н. Толстого).

Л.Н.Толстой

ДѢЛАТЕЛЬ ЖИЗНИ.

(По поводу 80-лѣтняго юбилея Л. Н. Толстого).

Л

Коренастый, могучій, широкоплечій человѣкъ въ простой рубахѣ-блузѣ. Сосредоточенный, нѣсколько суроный, непреклонный, но ясный и прямой взглядъ глубоко посаженныхъ глазъ. Широкій, славянскій носъ. Длинная, библейская, сѣдая борода и волосы, уже рѣдковатые, падающіе въ беспорядкѣ.

Эта фигура великаго писателя знакома почти каждому по многочисленнымъ портретамъ, фотографіямъ, эскизамъ, картинамъ.

То съ книгой въ рукахъ; то съ ремешкомъ на головѣ, за тачаньемъ сапогъ; то въ бѣлой, чуть ли не посконной рубахѣ, босой, въ однихъ портахъ—идеть онъ за сохой, а впереди—плетется кляченка, спутница мужицкаго труда. Это—графъ Левъ Николаевичъ Толстой, изъ старинной родовитой помѣщичьей семьи, начавшій свою жизненную карьеру блестящимъ артиллерійскимъ офицеромъ. Но эпитеты: „графъ“, „помѣщикъ“, „офицеръ“,—этикетки, безъ которыхъ въ обыденной жизни не ступить шагу,—всѣ они относятся теперь къ Толстому, какъ нѣчто вѣчно-

нее, случайное, архаическое, какой-то пережитокъ. Точно передъ вами мантія и парикъ англійскаго чиновника или шерстяной мъшокъ, на которомъ, по традиції, сидѣть и донынѣ министры въ британскомъ парламентѣ.

Толстой—графъ, и идетъ въ портахъ, по бороздѣ, за сохой. Толстой—дворянинъ, и отрицаеть всякое званіе кромѣ человѣческаго. Толстой—помѣщикъ—и проповѣдуєтъ, что земля Божья. Толстой—самъ бывшій рабовладѣлецъ, и всю жизнь ратуетъ за свободу человѣческой жизни и духа. Толстой—офицеръ, совѣтуетъ поголовный отказъ отъ воинской повинности. Толстой—„великій писатель-художникъ русской земли“, (это признанный его титулъ) приходитъ къ заключенію, что „науки, искусства, музыка—одно блевство“. Писательство считается пустяками. Толстой—беззавѣтный приверженецъ Христа, не менѣе, если не болѣе любого богослова, потратившій време-ни на акзегетику и переводъ святой книги,—этотъ Толстой—вѣроотступникъ, анаема, антихристъ, отлученникъ въ глазахъ не одного только официального духовенства. Толстой, женившійся по любви, имѣющій дѣтей, семью, узнавшій всю цѣнность женской любви, высказывается за постоянная дѣственность, цѣлю-мудріе и, слѣдовательно, какъ бы противъ брака и семьи.

Таковы антагоніи его личности. Ихъ можно продолжить. Но и приведенныхъ довольно...

Какая сѣть противорѣчий! Передъ вами—то человѣкъ „сомите il faut“, „изящный французскій выговоръ“, „длинные отчищенные и чистые ногти“, „перчатки“, „на лицѣ выраженіе нѣкоторой изящной превосходительной скучи“, отношеніе санать къ панто-

лонамъ самое гармоническое¹⁾), — а потомъ вмѣсто „дэндизма“ — парты, никакихъ сапогъ, или лапти, посконная рубаха; вмѣсто пробора — грязный ремешокъ съ запаомъ сыростины...

Передъ вами — то „дженрльменъ“ въ „жерсэ“ гимнаста (были и такія увлеченія въ жизни Толстого). ²⁾, висящій на параллельныхъ брусьяхъ, то коренастый, пожилой мужчина, замазанный глиной.

И вмѣсто гимнастическихъ машинъ кирпичная печь въ избѣ мужика, надъ которой трудится графъ.

И, Боже, сколько доставалось Толстому за все это. „Присяжные засѣдатели“ литературы немало потратили перьевъ на описываніе, на осужденіе, на „остроумное“ объясненіе всѣхъ этихъ противорѣчій.

А Толстой продолжалъ быть Толстымъ. При всѣхъ своихъ измѣненіяхъ, продолжалъ идти своей дорогой, т. е. дѣлать свою жизнь, всю жизнь, ища ея смысла!

Вдумайтесь въ эти слова; „дѣлать жизнь“, т. е. сейчасъ реализовать всякую мысль, въ которую искренно вѣришь.

А его укоряютъ въ противорѣчіи?

Толстой никогда не оставался въ области словъ.

И слова-то онъ цѣнилъ постольку, поскольку они разъясняли дѣла. Вчитайтесь въ его слогъ. Въ немъ нѣть той „музыки“, которую выдавливаютъ изъ себя иные писатели новѣйшей формациіи.

¹⁾ „Дѣтство“, „Отрочество“, „Юность“.

²⁾ Братья Л. Н., гр. Н. Л. Толстой, передавали Фету (см. Воспоминанія Фета I т. 237 стр.) со словъ старосты: „придѣль къ барину т. е. къ Л. Н. за приказанье, а баринъ, зацѣпившись одной колѣнкой за жердь, виситъ въ красной курткѣ головой внизъ и раскачивается; волосы отвѣсили и мотаются, лице кровью налилось; не то приказанія слушать, не то на него дѣлаться“.

Сюжет Толстого—отражение предмета, о которомъ идѣетъ рѣчь.

II.

Когда появились очерки о севастопольской обороны,—одинъ изъ русскихъ писателей сказалъ: „Этотъ офицеринчикъ всѣхъ насть за поясъ заткнетъ“.

Самъ же Толстой про начало своей литературной дѣятельности говорить: „Мнѣ было 26 лѣть, когда я пріѣхалъ послѣ войны въ Петербургъ и сошёлся съ писателями, меня приняли какъ своего. И не успѣть я оглянуться, какъ сословные писательские взгляды на жизнь усвоились мною... Мы—люди мысли, а изъ людей мысли главное вліяніе имѣемъ мы—художники-поэты. Я считался чудеснымъ художникомъ и поэтомъ и потому мнѣ очень естественно было усвоить эту теорію“. Но когда Толстой присмотрѣлся къ „соли человѣчества“, то встрѣтилъ въ ней такихъ же самоувѣренныхъ и довольныхъ собою людей, какихъ, говорить онъ, встречалъ въ „прежней разгульной и веселой жизни“. „И самъ себѣ опротивѣль“.

Ключъ къ нравственной и писательской личности Толстого—недовольство собой, искаше смысла жизни. Передъ молодымъ художникомъ предсталла великая задача, поглотившая его безъ остатка: *вѣданіе жизни*. Онъ сказалъ себѣ: „Ну, хорошо, ты будешь славнѣе Гоголя, Пушкина, Шекспира, Мольера, всѣхъ писателей въ мірѣ,—ну и что жъ? Я, говорить Толстой, ничего не могу отвѣтить“.

Отвѣтъ данъ жизнью Толстого—и обрисовать мѣняющіеся контуры такой „большой жизни“ въ небольшой статьѣ чрезвычайно трудно, можно попытаться уловить лишь нѣкоторыя основныя черты.

III.

Извѣстно, что въ молодости Толстой дошелъ даже до мысли о самоубийствѣ. До того неразрѣшимой казалась ему загадка человѣческаго бытія.

Къ эпохѣ перелома у Толстого какъ нельзѧ болѣе примѣнно евангельское изреченіе: „Не оживешь, аще не умрешь“. Толстой вѣнчанихъ формъ, Толстой—графъ, дворянинъ, помѣщикъ, рабовладѣлецъ, офицеръ, игрокъ, кутила—постепенно умиралъ.

Толстой—человѣкъ—сталъ возрождаться и началь дѣлать свою осмысленную жизнь.

Предварительно онъ проанализировалъ съ глубочайшей искренностью и свойственнымъ русскому характеру самобичеваніемъ всѣ эти формы паразитичаго существованія, въ произведеніяхъ, начиная съ „Дѣтства“, „Отрочества“, „Юности“, „Утра помѣщика“, „Казаковъ“, „Семейнаго счастья“, „Войны и мира“, „Анны Карениной“. Болѣе того: пережилъ эти формы. И свои художественные, писательскія переживанія обозвалъ впослѣдствіи пустяками, чѣмъ-то ненужнымъ.

Г. г. нѣкоторымъ критикамъ кажется, что у Толстого наступилъ разладъ художника и мыслителя. И художникъ былъ-де принесенъ въ жертву мыслителю. По сему горестному поводу они писали Толстому братскія увѣщеванія, въ родѣ тѣхъ, что предлагались отъ Петрову, по порученію Правительствующаго Синода, когда Петровъ задумалъ скинуть рясу. Погибъ художникъ! Не беритесь, графъ, не за свое дѣло! Не темните блестящаго имени, не скидайте тоги художника! А человѣкъ съ широкими плечами, въ рубахѣ и портахѣ, продолжалъ сосредоточенно и непреклонно идти впередъ: дѣлать свою жизнь. И ~~жизнь~~ ~~жизни~~ инстинктивно начинаетъ впитываться

Толстымъ съ тѣхъ самыхъ порь, какъ онъ взялся за перо. Эти проблески жизненного смысла проглядываютъ у него, еще у художника *pur sang*. Но пока онъ мыслить образами; и въ образахъ намѣчалъ мысли, явившіяся затѣмъ въ отвлеченной формѣ. Привычка мыслить образами брала свое и послѣ. Въ полномъ согласіи съ его отвлеченнымъ ученіемъ находятся: „Крейцерова Соната“, „Воскресенье“ и другія произведенія, написанныя тогда, когда у „яснополянского христіанина-стоика“ уже назрѣла потребность начертать схему своего дѣянія жизни.

Посмотрите громадную серію морализующихъ, теологизирующихъ и философствующихъ статеекъ послѣдняго периода писательства, бывшихъ для русской публики долгое время подъ спудомъ. Въ нихъ нѣть системы знанія, гдѣ все было бы методично отъ а до з въ возврѣніяхъ философа, моралиста и теолога.

Современному человѣку *знаніе* дорого объясняемъ причинъ, установленіемъ законовъ, т. е. взаимной сцѣпленности явлений, ихъ послѣдовательности и сосуществованія. У Толстого ничего подобнаго вы не найдете. Эта серія статей есть сѣть многорѣчивыхъ размышлений по поводу явлений, къ которымъ обыкновенно примѣняютъ критерій моральныхъ цѣнностей добра и зла, права и не права. А эта сѣть размышлений есть ничто иное, какъ тѣ же вопросы, надъ которыми когда-то задумывались кн. Нехлюдовъ, Оленинъ, Левинъ, Пьеръ Безуховъ и др. Сказать иначе—это высокохудожественные комментарии къ постановкѣ и разрѣшенію тѣхъ же вопросовъ. Мы могли бы привести много цитатъ изъ этихъ произведеній, подтверждающихъ ту мысль, что между художникомъ—Толстымъ и между Толстымъ—мыслителемъ по содержанию главныхъ мотивовъ нѣть ни-

какого разнада. И самъ Толстой, осудивъ впослѣдствіи свои беллетристические труды, могъ отнести осужденіе скорѣе къ формѣ, чѣмъ къ основнымъ идеямъ.

Въ одной изъ главныхъ морализующихъ статей послѣднихъ лѣтъ¹⁾ Толстой говоритъ, напримѣръ: „для того, чтобы могла произойти перемѣна чувствъ и поступковъ, должна произойти прежде всего перемѣна мысли. Для того, чтобы могла произойти перемѣна мысли, человѣку необходимо остановиться и обратить вниманіе на то, что ему нужно понять... не нужно въ наше время уже ничего предпринимать, ничего дѣлать, а нужно только остановиться, перестать дѣлать то, что они (люди) дѣлаютъ, сосредоточиться и подумать“.

И предварительно Толстой ссылается на Христа въ подтвержденіе сказанного. По истолкованію Л. Н., „съ первыхъ словъ своей проповѣди Христосъ не говорилъ людямъ: поступайте такъ или этакъ, имѣйте такія или иныя чувства²⁾; но Онъ говорилъ людямъ: одумайтесь, измѣните свое пониманіе жизни“.

Въ „Отрочествѣ“, на героя этой ранней повѣсти Толстого находили именно такія полосы исканія смысла и цѣнности жизни, когда отъ думъ у него „умъ за разумъ заходилъ“. И онъ по-дѣтски мечталъ: буду „цѣлый день евангеліе читать, потомъ изъ бѣленькой, которую я буду получать каждый мѣсяцъ, когда поступлю въ университетъ, непремѣнно два съ полтиной (одну десятую) я буду отдавать бѣднымъ... У меня будетъ особенная комната, и я буду самъ убирать ее и держать въ удивительной чистотѣ, человѣка ничего для себя не буду заставлять дѣлать. Вѣдь онъ такой же какъ и я“... Слово

¹⁾ „Недѣланіе“. ²⁾ Это, по мнѣнію Толстого, Христосъ сдѣлалъ уже несознательно.

вомъ, герой хотѣлъ жить „разумной, нравственной и безупречной жизнью“...

У Оленина („Казаки“) такія же минуты размышленія: „счастье въ томъ, чтобы жить для другихъ“, говорить искатель смысла жизни, пока еще въ образѣ прожигателя ея, скитаясь по дебрямъ Кавказа. И у Левина сквозить недовольство: „Я опутанъ грязной сѣтью“ и т. д. Еще авторъ севастопольскихъ очерковъ задумывается надъ вопросомъ: „Гдѣ выраженіе добра и зла?“ — спрашиваетъ онъ.

Сравните, напр., что говоритъ Толстой о трудѣ въ полемикѣ съ Э. Золя: „трудъ не только не есть добродѣтель, но въ нашемъ должно организованномъ обществѣ есть, большою частью, нравственно анестезирующее средство, въ родѣ куренія или вина, для скрыванія отъ себя неправильности и порочности своей жизни“...

И когда Левинъ („Анна Каренина“), въ котораго Толстой вложилъ много своей личности, задумывается „надъ неправильностью и порочностью своей жизни, „въ должно организованномъ обществѣ“, то однажды лежа на сѣнокосѣ, ставить себѣ такой же отмѣчаемый глубокимъ скептицизмомъ вопросъ о цѣнности труда: „Богъ далъ день, Богъ далъ силы. И день, и силы посвящены труду, а въ немъ самомъ награда“. „А для кого трудъ?“ и т. д.

Нѣкоторые герои Толстого — романиста, какъ известно, кончаютъ тѣмъ, что начинаютъ искать смысла жизни, обратившись къ первобытной простотѣ народныхъ этико-религіозныхъ воззрѣній. Религія — философія народа, говорилъ еще средневѣковый арабский мыслитель Авверроесъ. И въ этой философіи герои Толстого находятъ родственныя черты своимъ исканіямъ. Войдя въ соприкосновеніе съ простымъ людомъ, они

удивляются здравости, цѣльности и непосредственной простотѣ нравственныхъ переживаній его.

Прелестныя страницы „Войны и мира“ посвящены этому.

А потомъ и Толстой—моралистъ-философъ отъ своего лица ведеть рѣчь на ту же тему; „я чуялъ, что если я хочу жить и понимать смыслъ жизни, то искать этого смысла жизни мнѣ надо у тѣхъ миллиардовъ отжившихъ и живущихъ людей, которые дѣлаютъ и на себѣ несуть свою и нашу жизнь“.

„Сталь я сближаться съ вѣрующими изъ бѣдныхъ, простыхъ неученыхъ людей“...

Почему же къ нимъ обращается Толстой за смысломъ жизни? Потому что именно эти люди, по выражению его, добываютъ жизнь, а не живутъ паразитами. А описаніемъ людей, паразитически живущихъ, былъ занятъ Толстой именно въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ, создавшихъ небывалую ему, какъ писателю, славу, напоминающую развѣ славу Гёте.

Но къ этимъ произведеніямъ Толстой относится пренебрежительно. И, съ его точки зрѣнія, это понятно: тамъ лишь проблески, зачаточные ферменты идей, изъ которыхъ скомпановался затѣмъ его моральный жизненный рецептъ.

Этотъ рецептъ простъ до-нельзя: 1) любовь къ себѣ подобнымъ, 2) жизнь въ связи съ природой, 3) свободный умственный и непремѣнно физический трудъ, 4) шествіе въ жизни рука объ руку мужчины и женщины, 5) здоровая безболѣзенная смерть.

Отвѣтъ на вопросъ о смыслѣ жизни, говоритъ Толстой въ письмѣ къ одному французу, ясна и проста. Чтобы познать истинный смыслъ жизни, не нужно ни положительной философіи, ни глубокихъ

заній. Нужно не иметьъ предразсудковъ. Нужно пріяти въ состояніе ребенка или Декарта.

Толстой хочетъ сказать этимъ, что нужно отринуть плоды науки, цивилизациі, искусства и возвратиться къ дѣственной, такъ сказать, почвѣ человѣческаго сознанія. Старый и это рецептъ. Его не разъ предлагали людямъ: въ вѣкъ Перикла—циники, въ развращенномъ цезарьянскомъ Римѣ—стоики, въ эпоху возрожденія—Агриппа Нетесгеймскій, въ эпоху блестящей распущенности французскаго общества—Руссо; въ наши дни—американецъ Генри Торо, англичанинъ Карпентеръ, отчасти эстетъ Рескинь, и пр.

„Отъ цивилизациі, наукъ и искусствъ назадъ, къ природѣ—Творцу“, зоветъ яснополянскій, христіанійшій стоикъ нашего времени.

Этотъ лозунгъ звучалъ уже, какъ призывающей колоколь въ умѣ его героевъ, матущихся душой.

Этотъ лозунгъ проходитъ чрезъ всѣ, всѣ теологоморализующія и даже соціально-политическая статьи послѣднихъ лѣтъ, гдѣ вся ткань идей окутывается христіанской дымкой, и въ концѣ концовъ мораль, философія, религія, политика Толстого обращаются въ рядъ размышеній практическаго характера, сдобренныхъ ламентаціями о порчѣ людей, о гибельномъ пути, на которомъ стоять и по которому идетъ человѣчество, все болѣе и болѣе довѣрчиво отдающееся наукѣ, въ ущербъ вліянію религії. Мы не будемъ входить здѣсь въ подробное разсмотрѣніе известныхъ воззрѣній Л. Н. Толстого, замѣтимъ лишь, что методъ, которымъ идетъ въ нихъ авторъ, есть методъ не столько объясненія и объективной систематики историческихъ фактovъ, сколько опьянки ихъ свѣтской религиозно-нравственной точки зренія.

Вся суть разсужденій въ томъ, что, по Толстому, человѣкъ можетъ и долженъ претерпѣть коренное и прежде всего индивидуальное религіозно-нравственное возрожденіе и тогда соціальный аппаратъ, назовемъ-ли мы его государствомъ, или фаланстерой Фурье, или Утопіей Томаса Мора, Икаріей Каба, сдѣлается ненужнымъ. Ибо ненужно будетъ принужденіе и всѣ послѣдствія его. Конечно, еще Аристотель говорилъ, что любовь и дружба не нуждаются въ правѣ. И. Достоевскій раньше Толстого въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“ проводилъ ту мысль, что когда люди сдѣлаются дѣйствительно братьями другъ другу, соціальный вопросъ станетъ легко разрѣшимымъ. Другими словами, онъ устранился.

Въ сущности, Толстой также устраняетъ этотъ соціальный вопросъ тѣмъ, что, становясь на религіозно-этическую точку зрѣнія, онъ предлагаетъ человѣчеству и Россіи¹⁾ свои религіозно-этическія цѣнности въ качествѣ единственныхъ соціальныхъ лекарствъ.

Но давно сказано: легко проповѣдывать мораль, трудно установить ея принципы.

Порицая науку и усваивая незамѣтно и отчасти плоды, Толстой уходитъ и приглашаетъ человѣчество къ вѣрѣ, т. е. въ ту область, предъ которой ученый почтительно останавливается, а вѣрующій ждетъ если не чуда, то во всякомъ случаѣ прорицаніальной метаморфозы. Въ своеемъ оптимизмѣ онъ полагаетъ, что его „цѣнности“ могутъ сыграть роль нѣкоего философскаго камня,—мечта средневѣковыхъ алхимиковъ!

Прикоснувшись къ нимъ, „свинцовые инстинкты“ человѣчества дадутъ въ результатѣ „золотое поведеніе!“

¹⁾ См. его статью „О значеніи русской революціи“.

Что наука работает одинаково для Бога и для дьявола, что она освѣщает человѣку міръ до постѣднихъ звѣздъ, но оставляетъ ночь въ его сердцѣ, эта мысль поддерживается философами, идущими по прямой отъ теологовъ.

Истина, которой служить наука, можетъ быть и безотрадной: приложенія наукъ идутъ въ львиной долѣ на пользу капиталу. Но дѣлается-ли отъ того наука безнравственной?

Говорить такъ—значило бы, напр., допускать обвиженіе Евангелія въ ужасахъ Варфоломеевской ночи!

Я попрошу позвolenія у читателя, за недостаткомъ мѣста, обратить вниманіе на слѣдующій при-
мѣръ: допустимъ, что въ деревню, пораженную эпидеміей дифтерита, пришелъ послѣдователь Толстого или, напр., духоборъ Петръ Веригинъ и земской врачъ.

Пока первые проповѣдывали бы ученіе о смыслѣ жизни, дѣти мерли бы, какъ мухи. Врачъ прекратилъ бы смертность прививкой противодифтеритной сыворотки—этой капитальной побѣды науки.

Оставаясь послѣдовательнымъ, Толстой долженъ быть бы отвергнутъ то, съ чѣмъ не согласилась бы ни одна мать, несмотря на полное раскрытие смысла жизни...

Ученый фанатически не отвергъ бы разсужденій о смыслѣ жизни, продолжая дѣлать свое дѣло.

Онъ знаетъ, что, по мѣрѣ увеличенія шара науки къ объемъ, каждая изъ точекъ шара все-таки продолжаетъ соприкасаться съ увеличившимся (для него, т. е. для ученаго) пространствомъ незнанія... И ученый, какъ таковой, подобно Сократу, скорѣе подавляется своимъ незнаніемъ, чѣмъ превозносится и фанатически кичится своимъ знаніемъ абсолютнаго.

Мы привели послѣднія замѣчанія не для критики, ибо полагаемъ, что въ настоящей юбилейной статьѣ не мѣсто подходить съ этой цѣлью къ иска-
ніямъ Толстого. Мы сдѣлали ихъ, чтобы рельефнѣе
оттѣнить фонъ этихъ иска-ній по сравненію съ го-
сподствующими основами науки, т. е. столь безотрад-
ной цѣлью, по мнѣнію Толстого, коей служать въ
современную эпоху передовыя силы человѣчества.
Мы понимаемъ,—каковы бы ни были эти иска-нія, этотъ
человѣкъ безкровной жертвы возбуждается къ себѣ
и своей проповѣди,—что въ Толстомъ единосущно и
нераздѣльно,—чувство глубокагоуваженія.

Но гдѣ-же тайна такого всемирного успеха этой
старой проповѣди русскимъ писателемъ?

Къ нему, какъ нѣкогда къ шиейскому оракулу,
стекаются тысячи посѣтителей различныхъ националь-
ностей. Его корреспонденты находятся въ разныхъ
частяхъ свѣта. Его запрашиваютъ по поводу всѣхъ
выдающихся событий времени. И нѣть ничего удиви-
тельного, что малѣйшее отклоненіе нормы его здо-
ровья сейчасъ же сообщается по телеграфу.

IV.

Бѣлинскій писалъ когда-то; „Безъ борьбы нѣть
заслуги, безъ заслуги нѣть награды, а безъ дѣйство-
ванія нѣть жизни“.

„Отрекись отъ себя, подави свой эгоизмъ, попри
ногами свое своекорыстное я, дыши для счастья дру-
гихъ, жертвуй всѣмъ для блага ближняго, родинѣ,
для пользы всего человѣчества, люби истину и бла-
го не для награды, а для истины и блага; и та-
ко-
лько крестомъ выстрадай твое соединеніе съ Богомъ“...

Какъ будто великии критикъ написаъ эту универсальную, проникнутую широкимъ альтруизмомъ программу жизни ни для кого иного, какъ для великаго писателя русской земли.

И вотъ всему образованному миру, на порогѣ двадцатаго вѣка, явилъ себя человѣкъ, задачей котораго сдѣлалось добываніе жизни, какъ онъ ее понялъ. Вѣрнѣе, какъ понимали ее религіозно настроенные моралисты всѣхъ временъ, начиная съ Сакіа-Муни. Этотъ человѣкъ отбросилъ всѣ предразсудки и дѣлалъ то, что подсказывала его совѣсть... Такой человѣкъ всегда импонируетъ.

Иной разъ глядишь: люди плачутъ, слушая великаго проповѣдника, и затѣмъ утѣшаются, когда видятъ, что послѣ огненныхъ словъ, въ своей обыденной жизни, онъ становится въ противорѣчіе съ тѣмъ, что говорилъ.

Мы какъ-то привыкли къ этой раздвоенности. Поэтому мы мало вѣримъ словамъ, но только дѣламъ.

Толстой же не только искалъ, но, обрѣтя, сейчасъ же и примѣнялъ найденное къ дѣлу. Это былъ громадный опытъ человѣка надъ своей собственной жизнью.

Мысль есть начало дѣйствія, сказалъ одинъ современный французскій философъ. Толстой же всегда хотѣлъ, чтобы его мысль была не только началомъ дѣйствія, но тогда же вооплощалась въ дѣйствіе. Отсюда, быть можетъ, выходили и тѣ видимыя противорѣчія, въ которыя впадалъ писатель. Онъ осуществлялъ на виду у всѣхъ, реализировалъ въ факты такія мысли, которыя другіе люди облекаютъ лишь въ слова. Поэтому приходилось дѣлать часто несъ тому, что дѣлалось раньше, соответственно привычкѣ ума и новымъ размышленіямъ.

Отсюда переходы отъ „джерсэ“ гимнаста къ по- сконной рубахѣ пахаря и отъ „дэндизма“ къ оправданию.

Фетъ, рассказывая эпизодъ ссоры между Тургеневымъ и Толстымъ, едва не окончившейся, по заявлению самого Тургенева, дуэлью, между прочимъ, передаетъ такое характерное замѣчаніе, сказанное Толстымъ на вечерѣ у Некрасова.

— Я не могу признать, рѣшительно сказавъ Л. Н. собесѣдникамъ, чтобы высказанное вами было вашими убѣжденіями. Я стою съ кинжаломъ или саблей въ дверяхъ и говорю: „пока я живъ, никто сюда не войдетъ“. Вотъ это убѣженіе. А вы другъ отъ друга стараетесь скрывать сущность вашихъ мыслей и называете это убѣженіемъ“.

Итакъ, говорить Толстой, убѣдясь въ необходимости реформы, будь она этическая или другая, проповѣдую ее,—начните съ себя.

Быть можетъ Толстому это не всегда удавалось и удается, но онъ всегда старался начать и начинаять съ себя. Такимъ образомъ Толстой, надо сказать, проповѣдывалъ столько же словомъ, сколько дѣломъ. И дѣломъ раньше, чѣмъ словомъ. Вотъ тайна его всемирного обаянія, подготовленная ореоломъ писательской извѣстности.

80 лѣтъ онъ дѣлалъ свою жизнь, а не двоился, какъ мы, между идеалами и дѣйствительной быденішней! 80 лѣтъ, во всѣхъ измѣненіяхъ формъ своей жизни, онъ стремился „соединиться съ Богомъ“,

съ тѣмъ Богомъ, котораго, плака и рыдала, тосяку и веелась, среди тяжкаго труда, среди злодѣйствъ и ненависти, каждый ищетъ, сколько мгновеній своей жизни.

А Толстой вотъ уже много лѣтъ ищетъ его по-
стоянно, желая постоянно же выливать свои исканія
въ жизненныя формы.

Этимъ, быть можетъ, онъ прежде всего возбуж-
даетъ къ себѣ чувство глубокаго уваженія. Даже
болѣе того, теплоту родственного чувства.

Ни Раскинъ, ни Карпентеръ, ни Торо не близки
намъ, такъ какъ Толстой.

И не „квасной“ национализмъ говорить во мнѣ,
а сознаніе того, что наша широкая натура, мягкая,
распущеннаѧ, своимъ исканіемъ Бога, своимъ самоби-
чеваніемъ, своимъ недовольствомъ собой даетъ на пан-
елитрѣ общечеловѣческой жизни оригиналную краску.

И эту краску уже замѣтили на Западѣ. Сокровенная
ея сущность въ томъ исканіи, которое не довольствуется
обладаніемъ. Но, обладая вновь, мятется, вновь ищетъ.

Ну, я достигну!

Ну, я достигъ.

А потомъ что?

Если довольство—кончена жизнь.

Если недовольство—надо дѣлать жизнь дальше.

И онъ дѣлаетъ свою жизнь 80 лѣтъ и будетъ дѣлать.

Въ этомъ его сила.

А міръ, а люди тянутся къ дѣлателью жизни.

Могучій, старый дубъ стоять укоромъ для жи-
вущихъ по шаблону.

Его сучковатыя вѣтви и стволъ повиты попреж-
нему хмелемъ. Хмель—жизни, залогъ броженія, исканія,
а не застоя. А въ 80 лѣтъ это чего нибудь да стоять!

—
Азферть.

194.134

